

оригинальные сочинения Килвордби: «О духе, наделенном воображением» («De spiritu imaginativo»), «О времени» («De tempore»), «О единстве форм» («De unitate formarum»),

«О природе отношения» («De natura relationis»), «О совести» («De conscientia»), «О теологии» («De theologia»). В них Килвордби говорит от своего имени, равно как и в весьма поучительном письме Петру из Конфлета, или Конфлана*; одно это письмо позволило бы определить место Килвордби среди представителей главных доктринальных течений его времени.

7 марта 1277 г. Этьен Тампье подверг осуждению длинный перечень положений в надежде остановить аверроистское движение и распространение теологических учений, которые, как и учение Фомы Аквинского, были вдохновлены методом Аристотеля. Несколько дней спустя (18 марта 1277) Килвордби в качестве архиепископа Кентерберийского в свою очередь осудил гораздо более краткий перечень — 16 положений, явно выбранных с теми же намерениями и в том же духе, хотя термин «осуждение», который обычно применяют к этому событию, не вполне точен. Когда Петр из Конфлана, архиепископ Коринфский**, упрекнул его в письме за этот акт, Килвордби заметил ему, что «произведенное осуждение не было того же рода, что осуждения, которым подвергаются явные ереси, но было лишь запретом утверждать подобные вещи в школах, определяя [вопросы для дискуссий] или на лекциях, или в какой-либо иной догматической форме». Тем не менее нужно признать, что, по мнению Килвордби, христианская вера, по крайней мере косвенно, подвергалась опасности. И действительно, он сам говорил о заблуждениях, которые запрещал преподавать, что «иные утверждения заведомо ложны, иные отходят от философской истины, иные связаны с нетерпимыми ошибками, а иные явно губительны, ибо противостоят католической вере». К этому Килвордби добавляет замечание, очень поучительное с исторической точки зрения: «В этом запрещении я действовал не один. Напротив, как вы сами писали, оно получило одобрение всех преподавателей Оксфорда; меня даже обязал совет (suasio), объединивший множе-

367

3. От Гроссетеста до Пеккама: А. Оксфордские магистры

ство теологов и философов, более компетентных, нежели я».

Возможно, Килвордби немного преувеличивает. Если рассмотреть протомистскую реакцию некоторых оксфордских доминиканцев, как, например, Ричарда Клепуэлла, которые не слишком придерживались этого запрета, то нельзя избавиться от мысли, что с 1277 г. томистская теология пользовалась в Оксфорде определенной симпатией. Но это имело место, как говорится, «у молодых», представлявших собой настоящее, обращенное к будущему. Преподаватели, которые обладали авторитетом и властью и представляли собой настоящее, как бы продолжающее прошлое, не доверяли новизне. Роджер Бэкон рассказывает, что он сам дважды слышал, как Гильом Оверньский, тогда епископ Парижа, «congregata Universitate coram eo»*, спорил с магистрами университета и доказывал им, что действующий интеллект — это не часть души, а Бог. Доктрина Парижского епископа отставала тогда (между 1228 и 1249 гг.) от доктрины его университета. В 1277 г. Оксфордский архиепископ отставал от уровня преподавания в Оксфорде, а Парижский архиепископ публично отвергал как опасные некоторые положения будущего Учителя вселенской Церкви св. Фомы Аквинского. Это очень по-человечески — хранители ортодоксии порой путают последнюю со своим личным ее пониманием.